

УДК 94(476)«1948/1953»:364.682:394-055.2

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1949–1953 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКОЙ ССР)****Н.Г. БОЛТРУШЕВИЧ***(Витебский государственный медицинский университет)*

Рассматриваются основные причины изменений государственно-церковной политики в период с 1948 по 1953 гг. Обозначены особенности взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства в данный период. Исследование построено на использовании широкого спектра источников Национального архива Республики Беларусь, что позволило сформулировать выводы о развитии взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства в обозначенный хронологический период. Впервые данная проблематика рассмотрена по материалам Белорусской ССР, именно в рамках конкретно-исторического исследования с введением в научный оборот новых архивных материалов, новой интерпретацией уже известных источников.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, государственно-церковные отношения.*

В годы Великой Отечественной войны в СССР начался новый этап государственно-церковных отношений. Причины изменений политики советского государства в отношении Русской православной церкви в годы войны были рассмотрены автором в статье: «Изменение политики советской власти в отношении Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны» [1].

Поступательное развитие государственно-церковных отношений, сложившееся в годы войны, приостанавливается в конце 1940-х гг. Цель данной статьи – выделить основные причины изменений государственно-церковной политики в период с 1948 по 1953 гг., используя материалы Белорусской ССР, обозначить особенности взаимоотношений православной церкви и советского государства в данный период.

Источниками для написания работы послужили: материалы фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров по БССР (Фонд 951) Национального архива Республики Беларусь, фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров по Витебской области (Фонд 4131) Государственного архива Витебской области, а также опубликованные материалы, посвященные данной теме.

Основная часть. В годы войны и в послевоенный период советское руководство во главе с И. Сталиным существенную роль во внешней политике СССР отводило Русской православной церкви. Однако с 1948 г. интерес к возможностям использования Московского Патриархата во внешнеполитических задачах постепенно утрачивается, что объясняется многими причинами. Еще 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, которую И. Сталин в интервью «Правде» расценил как «призыв к войне с СССР». Через год, в марте 1947 г., президент Г. Трумен декларировал «право» США оказывать влияние на политику других стран и продемонстрировал его на практике в Греции и Турции. В сложившейся обстановке советское руководство во внешней политике отказывается от наступательной стратегии в Европе и на Ближнем Востоке и переориентируется на укрепление и консолидацию образовавшегося восточно-европейского лагеря. Начинается «холодная война» [2, с. 305].

По итогам Всеправославного Совещания в Москве в 1948 г. Русская православная церковь отказалась принимать участие в заседаниях Всемирного Совета Церквей. Система православного единства была сформирована только для православных церквей Восточной Европы, территория которой стала приоритетным регионом для внешней политики СССР. Окончательное решение об отказе от участия Русской православной церкви в ВСЦ было принято советским руководством и патриархом Алексием в марте 1948 года. Таким образом, Московскому Патриархату не удалось захватить лидерство в экуменическом движении и закрепить систему православного единства [3, с. 25].

Следует учитывать и тот фактор, что не все партийные и советские работники положительно восприняли послевоенное «религиозное возрождение». Многие говорили о «сползании с марксистских позиций» и предлагали вернуться к прежним методам борьбы с религией. И как только проявились предпосылки к утрате интереса власти и лично И. Сталина к религиозному вопросу, идеологические структуры партии вновь попытались активизировать «антирелигиозную деятельность» [4, с. 63].

Таким образом, к 1948 г. во взаимоотношениях между советским государством и Русской православной церковью сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, ни в годы войны, ни в послевоенный период на официальном уровне не отменялись установки, сложившиеся ещё с 1917 г. по отно-

шению к церкви как общественному институту и к религии как к «ложному, нематериалистическому мировоззрению», с которым нужно вести идейную борьбу [5, с. 359–360.]. С другой стороны, в годы войны советское руководство, радикально изменило своё отношение к Русской православной церкви и верующим, предоставив им определённые возможности для расширения своих практик.

При изучении религиозной политики в послевоенный период следует принимать во внимание и происходившую борьбу за власть между основными руководителями страны, которые оказали своё влияние на стратегию отношений с православной церковью. Хотя И. Сталин, ставший после войны «неоспоримым лидером народа-победителя», крепко держал власть в стране, однако после войны между представителями советского руководства началась тайная политическая борьба. В эту сложную и скрытую от посторонних глаз игру ради власти были вовлечены религиозная политика и Совет по делам Русской православной церкви [6, с. 290].

Так, к концу 1940-х гг. именно Совет по делам РПЦ осуществлял почти всю работу с Церковью как внутри страны, так и за её пределами. Совет, созданный ещё в 1943 г., рассматривался И. Сталиным в качестве связующего звена между государством и Патриархом Московским и всея Руси, осуществлял полный контроль за его деятельностью. Роль и численный состав Совета к 1948 г. заметно выросли. С 1943 г. по 1946 г. количество уполномоченных увеличилось с 89 до 114, а сотрудников центрального аппарата с 9 до 57 человек. Однако с февраля 1947 г. число уполномоченных сократилось до 105. Среди основных причин такого поворота стал утраченный интерес к РПЦ со стороны МГБ и как результат к августу 1948 г. лишь 20% уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской (46%), партийной (19%) и хозяйственной (10%) работы [2, с. 338]. Всё чаще руководители идеологических структур стали критиковать работу Совета и его руководителя Г. Карпова. В свою очередь Г. Карпов неоднократно подчёркивал важность существования Совета, доказывал целесообразность продолжения политики, избранной в отношении с православной церковью в военный период, указывал на значимость религиозного фактора в сфере международных отношений в послевоенные годы. В ноябре 1948 г. Г. Карпов, который владел религиозной обстановкой в стране, в своём докладе Сталину говорил о «массах верующих», отмечал наличие «укоренённой и распространённой в советском обществе религиозности» [6, с. 300].

В условиях открытой критики Совета, жёсткой политической и партийной борьбы И. Сталин дал согласие на подготовку в 1948 г. специального постановления ЦК ВКП (б) о задачах антирелигиозной, атеистической пропаганды. В основе данного документа, за подготовку которого в ЦК партии отвечал М.А. Суслов, находилась идея форсированного наступления на религию, так как «с отсталым (религиозным) сознанием людей невозможно осуществить переход от социализма к коммунизму» [5, с. 360]. Был запланирован очередной этап борьбы с церковью и верующими. Однако И. Сталин не одобрил многие тезисы и идеи предложенного проекта, и работа в данном направлении была приостановлена.

До самой своей смерти И. Сталин выступал определённым гарантом в сохранении избранного в годы войны курса во взаимоотношениях между государством и Русской православной церковью, который не предполагал дальнейшего расширения деятельности церкви, как предлагал Г. Карпов, но и не поддерживал нового антицерковного наступления. К концу 1940-х гг. из лексикона партийных и государственных документов, по существу, исчезли и термины «антирелигиозная» или «атеистическая работа». Их не было и в Отчётном докладе ЦК ВКП (б) XIX съезда партии в октябре 1952 г., который представил делегатам Г.М. Маленков. Впервые на съезде партии вообще был обойдён вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды. Речь шла лишь о проблемах «преодоления пережитков капитализма в сознании людей» [5, с. 360–361].

И тем не менее в основе послевоенной государственно-церковной политики сохранялось зависимое положение церковных структур от государственных органов власти, осуществлялся постоянный контроль и вмешательство во внутренние дела церкви. При этом у церкви и верующих появилась реальная возможность легализовать свою религиозную деятельность. С 1948 г., по мнению большинства исследователей, в результате политической борьбы, изменений во внешней политике СССР поступательное развитие государственно-церковных отношений в Советском Союзе было приостановлено [7, с. 369].

Основной период массовой регистрации православных церквей продолжался до 1948 г. В итоге на 1 января 1948 г. в БССР в 12 областях действовало 1 050 молитвенных домов и церквей [8, л. 265]. В октябре 1948 г. их количество увеличилось до 1 067 [8, л. 360], но к 1 января 1949 г. количество действующих церквей, молитвенных домов и монастырей в республике сократилось до 1 055 [9, л. 201]. В целом в 1949 г. проводилась активная работа по уточнению данных по количеству церквей и молитвенных домов. Так, по сведению уполномоченного по Гомельской области Цуканова в области на 1.01.1949 г. числилось 60 церквей, а в сводных уполномоченного по БССР Менькова количество церквей в области равнялось 53 [9, л. 202]. Данное несоответствие цифр вносит разногласия в современные исследования, где при изучении архивных материалов по одним и тем же периодам встречаются разные количественные показатели.

Ситуация с открытием новых церквей в послевоенный период была достаточно неоднозначной. Если в первые годы своего существования, 1943–1944 гг., Совет по делам РПЦ удовлетворял незначительное количество ходатайств, направляя все усилия на регистрацию уже существующих молитвенных точек, то в 1945–1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. В 1947–1952 гг. наблюдается сокращение количества удовлетворённых ходатайств [2, с. 336].

И в целом начиная с 1948 г. происходит постепенное сокращение количества церквей. Если за 1948–1949 гг. в СССР была закрыта 561 церковь, то за 1950–1953 гг. – 765 церкви. На 1 января 1953 г. в СССР Русская православная церковь располагала 10 891 действующей церковью и 2 617 молитвенными домами, функционировавшими как храмы. Среди официальных причин уменьшения количества церквей, на которые указывало руководство Совета по делам РПЦ, назывались следующие: постепенное «ослабление интереса» населения к церкви; улучшение материальных условий жизни трудящихся; укрепление положения колхозов и трудовой дисциплины в них; коллективизация в западных областях Беларуси и Украины; усиление идеологического и антирелигиозного воспитания. Однако сокращению количества церквей в первую очередь способствовало масштабное закрытие культовых зданий, открытых в годы немецкой оккупации в домах, в которых ранее размещались государственные организации или общественные учреждения. Всего в СССР за период с 1945 г. по октябрь 1949 г. были изъяты 1 150 зданий, а в последующий период, вплоть до июня 1953 г. – ещё 263 [6, с. 335–336].

В БССР в 1953 г. насчитывалось 976 действующих церквей и молитвенных домов, из которых в западных областях находилось 774 или 79,4%, в восточных – 202 или 20,6% [10, л. 186]. По состоянию на 1 января 1952 г. в 10 областях БССР недействующих церквей насчитывалось 132, из них не использовались – 64, были заняты под склады – 49, под клуб – 9, под школу – 1, архив – 1, детский дом – 2, сельпо – 1, музеи – 2, общежитие – 1, сохранился как памятник архитектуры – 2. Количество недействующих церквей по областям республики распределялось следующим образом: в Барановичской области – 18 церквей, Бобруйской – 21, Витебской – 35, Гродненской – 6, Могилёвской – 34, Минской – 4, Полоцкой – 6, Полесской – 6, Пинской – 2. По Гомельской области сведения отсутствуют, в Полесской области данные по недействующим церквям не полные [11, л. 161–169]. По каким причинам в республике не действовали церкви? Так, из 18 недействующих церквей в Барановичской области 17 были полуразрушены снарядами ещё в 1942 г. и находились в аварийном состоянии. Из 21 недействующей церкви в Бобруйской области 8 были закрыты ещё в 1929–1933 гг. В этот же период были закрыты 26 церквей в Витебской области, 27 церквей в Могилёвской области. Все 6 церквей Гродненской области были закрыты в 1949–1950 гг. как ветхие и непригодные для служб помещения. В Минской области 2 церкви были закрыты в довоенный период, а 2 – в 1948–1949 гг. [11, л. 161].

Сокращение количества церквей происходило на фоне увеличения религиозности среди населения и в первую очередь в городах. Так, некоторые артисты Театра оперы и балета г. Минска пели в церковном хоре. Ряд интеллигенции, среди которой были и коммунисты, совершали религиозные обряды, посещали церкви. С 6 по 8 ноября 1947 г. в церквях г. Минска и других городах Минской области происходило массовое крещение детей и подростков. Настоятель Минского Кафедрального собора Гаацинтов рассказывал, что в эти дни он окрестил более 70 человек и добавил, что второй священник этого же собора тоже окрестил много подростков. Священники церквей г. Минска Версоцкий и Баслык окрестили в эти дни 150 детей, а священник церкви в г. Дзержинск Снабель – 30 детей [12, л. 196]. Такая ситуация наблюдалась по всей республике.

С целью активизации работы по привлечению верующих в 1948 г. Русская православная церковь организовала Минский миссионерский епархиальный Совет. Территория Минской епархии в отношении миссионерской деятельности делилась на 7 округов: Минский округ включал территории Минской и Бобруйской областей, Гомельский – Гомельскую и Полесскую области, Могилёвский – Могилёвскую и Витебскую области, Полоцкий – Полоцкую область, Молодеченский – Молодеченскую область, Барановичский – Барановичскую область, Брестский – Брестскую область [13, л. 25–26].

Более 12 лет, с января 1947 г. по апрель 1959 г., Минско-Белорусскую епархию возглавлял архиепископ Питирим (Свиридов Пётр Петрович). Управление православными церквями в Беларуси также осуществляли епископ Гродненский и Лидский – Варсонофий, архиепископ Пинский и Лунинецкий – Даниил.

В 1948 г. Патриарх Московский Алексей перевёл епископа Варсонофия из Гродненской епархии в Семипалатинск. Епископ, не согласившись с решением, дважды телеграфно запрашивал патриархию о причине его перевода, посылал в Москву делегацию членов церковного совета, ездил сам к Патриарху, собирал экстренное совещание благочинных, но благочинные в свою очередь отказались ходатайствовать об оставлении его в Гродно. Приезд нового епископа Паисия в Гродно состоялся в январе 1949 г. [8, л. 152–153]. После перевода Варсонофия решением Патриарха Московского в 1948 г. в состав Гродненской епархии была включена Брестская [8, л. 333]. Такое епархиальное управление сохранялось

в республике до 1953 г., когда произошло закрытие епископских кафедр и объединение в одну епархию во главе с Питиримом [14, л. 55–56].

Одной из проблем функционирования православных церквей являлась проблема обеспечения духовными кадрами. В подготовленном Г. Карповым в июле 1952 г. докладе о положении приходского духовенства отмечалось, что 62,3% священников были старше 55 лет, около 70% священнослужителей находились во время войны на оккупированных территориях. Многие из них прошли трагический путь гонений и репрессий [6, с. 360]. В БССР на 1 января 1948 г. в составе священников 44,9%, или 348 человек, были старше 55 лет, 32,9%, или 255 человек, – в возрасте 41–54 года, 22,2%, или 171 человек, – в возрасте до 40 лет [8, л. 268].

На 1 января 1954 г. в БССР состояли на учёте 783 священников, из них в возрасте до 40 лет 158 человек, или 20,2%, в возрасте 41–55 лет – 261 человек, или 33,3%, в возрасте старше 55 лет – 364 человек, или 46,4% [15, л. 9]. Как свидетельствуют цифры, основу духовенства составляли священники старше 55 лет, при этом сохранялась стабильность и кадровая преемственность. Следует отметить и факт значительного увеличения притока духовенства из западных областей БССР в восточные, в основном в крупные города, районные центры, железнодорожные станции. С 1948 по 1951 гг. из западных областей республики в восточные было переведено 66 священников. Эти священники имели богословское образование и вызывали авторитет у верующих [14, л. 54].

Чтобы восполнить недостаток священников епископы (особенно начиная с военных лет) начали рукополагать зрелых людей, которые проявили себя в качестве приходских активистов, но не имели богословской подготовки. Немало встречалось людей с высшим образованием, которые приняли рукоположение в годы войны или сразу после неё. Однако в целом в 1948 г. духовенство состояло из людей малообразованных: 40% священнослужителей не имели духовного образования, 75% получили только начальное школьное образование, и только 10% имели диплом об окончании Высших богословских курсов. Существовала проблема невосполняемости новыми кадрами. С 1949 по 1951 гг. из церкви по разным причинам выбыло 2 087 священников, а пополнились лишь на 955 [6, с. 360]. В составе священников по БССР на 1 января 1948 г. 64,5%, или 500 человек, имели богословское образование. С высшим духовным образованием – 9,4%, или 73 человек, со средним духовным – 55,1%, или 427 человек. А в общем 83,6% священников имели среднее и высшее образование [8, л. 269].

В отчёте о духовных учебных заведениях в марте 1952 г. Карпов подчёркивал, что «будучи крайне заинтересованной в подготовке духовенства, церковь затрачивает значительные средства на содержание учебных заведений, проводит меры по улучшению питания, оборудования и устройства общежитий, по введению прогрессивных стипендий». На 1 января 1952 г. на территории СССР действовало 8 семинарий (в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Луцке, Одессе, Саратове и Ставрополе) и 2 духовные академии – Московская и Ленинградская. Преподавательский состав был достаточно квалифицированным. В семинариях обучалось 500 студентов, в академиях – 133. Число заявлений с просьбой о приёме в духовные учебные заведения в целом превышало число принятых студентов. Отбор абитуриентов производился не только в соответствии с предъявляемыми требованиями и на основе результатов вступительных экзаменов, но требовалось ещё и согласие совета по делам РПЦ, который совместно со службами безопасности проверял заявления и мог отклонить некоторые из них, если их подавали лица, осуждённые в прошлом за преступления политического характера или «по другим политическим соображениям» [6, с. 362–363].

Но не только абитуриенты духовных учебных заведений подвергались жёсткому контролю. Вся деятельность студентов и преподавателей находилась под постоянным наблюдением. Так, в 1949 г. был произведён обыск у преподавателя Минской духовной семинарии Кляевского и в связи с этим допросы учащихся и преподавателей органами МГБ. Архиепископ Минск-Белорусской епархии Питирим в разговоре с уполномоченным высказал существенное беспокойство постоянным вмешательством в дела семинарии, а также отметил, что это не только у нас (в БССР), но, как пишут другие воспитанники, которые находятся в Московской духовной академии, там тоже подобное проводится [9, л. 210].

И тем не менее к концу 1940-х гг. начался приток, пусть и небольшой, молодых священников, завершивших обучение в семинариях, открытых в первые послевоенные годы. И хотя это не могло полностью компенсировать убыль духовенства, однако началось формирование новых церковных кадров, которые имели более высокий уровень богословского образования. Новое поколение священников «выросло» и получило опыт советской действительности, в котором во всех сферах жизни господствовал антирелигиозный конформизм. Принимая решение поступать в духовную семинарию, человек руководствовался не прибыльностью церковного «ремесла», а в первую очередь религиозными мировоззренческими взглядами, которые, в той или иной мере, были чужды и противоречили существующим советским. В то же время новому поколению священнослужителей не составляло труда соотноситься с требованиями советского общества и с его отношением к власти [6, с. 361].

Вплоть до начала 1947 г. церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды – помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т.п. Эта практика, поднимавшая авторитет церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале 1947 г. согласно указанию из Совета Министров Патриарх Алексий предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели [2, с. 340]. С этого периода начался сбор средств в фонд мира, а также на строительство и восстановление храмов.

С 30 июня 1950 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий в обращении к архипастырям, пастырям и пастве провозгласил об открытии сбора подписей под Стокгольским Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Уже 3 июля 1950 г. духовенство г. Минска заслушало телеграфное обращение Святейшего Патриарха, поставило свои подписи и осудило агрессивные действия американцев в Корее. 3 августа 1950 г. уполномоченному Совета по делам РПЦ по БССР Г. Семёнову поступило сообщение, что Архиепископ Минский и Белорусский Питирим, настоятель Минского кафедрального собора, 28 благочинных округов Минской епархии, все настоятели церквей, члены их семей, причты и верующие с энтузиазмом подписались под Стокгольским Воззванием [16, л. 94-98].

Заключение. В основе послевоенной государственно-церковной политики сохранялось зависимое положение церковных структур от государственных органов власти, осуществлялся постоянный контроль и вмешательство во внутренние дела Русской православной церкви. При этом у церкви и верующих появилась реальная возможность легализовать свою религиозную деятельность. С 1948 г. в результате политической борьбы, изменений во внешней политике СССР поступательное развитие государственно-церковных отношений в Советском Союзе было приостановлено. При этом фактор международной политики является ключевым при определении смены курса во взаимоотношениях между советским государством и РПЦ в изучаемый период.

Начиная с 1948 г. наблюдается постепенное сокращение количества церквей: если в 1948 г. в БССР в 12 областях действовало 1 050 молитвенных домов и церквей, то в 1953 г. – 976. При этом религиозность среди населения и в первую очередь в городах увеличивается. Сложившееся после войны в Беларуси епархиальное управление сохранялась в республике до 1953 г., когда произошло закрытие епископских кафедр и объединение в одну епархию во главе с Питиримом.

После 1948 г., периода массовой регистрации православных церквей, осуществлялась активная работа по уточнению данных по их количеству. С 1948 г. до 1953 г. разрыв между поданными ходатайствами и количеством открытых церквей увеличивался с каждым годом.

Одной из основных проблем функционирования православных церквей являлась проблема обеспечения приходов и церквей духовными кадрами. В изучаемый период основу духовенства в республике, как в целом по стране, составляли священники старше 55 лет с богословским образованием.

Церковь выделяла значительные средства на содержание духовных учебных заведений, проводила меры по улучшению питания, оборудования и устройства общежитий, по введению прогрессивных стипендий. Центром духовного образования в БССР в конце 1940-х гг. являлась Минская духовная семинария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтрушевич, Н.Г. Изменение политики советской власти в отношении Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны / Н.Г. Болтрушевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 42–47.
2. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
3. Болотов, С.В. Роль Русской православной церкви в международной политике СССР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Болотов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 24 с.
4. Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести: сб. статей; под общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 29–72.
5. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
6. Роккуччи, А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / Адриано Роккуччи; пер. с итал. О.Р. Щелоковой. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).
7. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с. – (История сталинизма).
8. Отчётно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по западным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 12.
9. Отчётно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР за 2 полугодие 1949 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. – Д. 18.
10. Отчётно-информационные доклады уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по БССР и уполномоченных областям за 3 и 4 кварталы 1952 г. о деятельности РПЦ в Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 33.

11. Материалы о деятельности РПЦ. Переписка с Советом по делам Русской православной церкви при СМ СССР, с управлением делами Совета Министров БССР и облисполкомами по делопроизводству и личному составу // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 31.
12. Отчётно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по восточным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 9.
13. Приказы, протоколы заседаний Совета, протоколы совещаний уполномоченных Совета, докладные записки // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Дело. 13.
14. Постановления местных органов государственной власти и партийных органов, относящихся к деятельности уполномоченных Совета и переписка с Советом по делам Русской православной церкви, протоколы заседаний Совета // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 37.
15. Статистические сводки о действующих церквях, монастырях, духовенстве и духовной семинарии // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 42.
16. Переписка с Советом по делам Русской православной церкви при СМ СССР, с управ. делами СМ БССР, Облисполкомами и др. о деятельности РПЦ, сообщения, сведения, списки памятников архитектуры за 1950 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 28.

Поступила 22.11.2018

**SOME FEATURES OF THE RELATIONSHIPS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AND THE SOVIET STATE IN 1949-1953
(ON THE MATERIAL OF THE BELARUS SSSR)**

N. BOLTRUSHEVICH

The main causes of changes in the state-church policy in the period from 1948 to 1953. The features of the relationship of the Russian Orthodox Church and the Soviet state in this period are indicated. The study is based on the use of a wide range of sources of the National Archives of the Republic of Belarus, which made it possible to formulate conclusions about the development of relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet state in the designated chronological period. For the first time, this problem was considered based on the materials of the Byelorussian SSR, specifically in the framework of a concrete historical study with the introduction of new archival materials into the scientific circulation, a new interpretation of already known sources.

Keywords: *Russian Orthodox Church, state-church relations.*